

Мояк новостей. - 1995. - 14 мая. - с 19

ЮБИЛЕЙ

«Очаровательнейшее вырождение»

К столетию со дня рождения Ларисы Рейснер

Странно писать критический рассказ к 100-летию женщины, славившейся своей красотой (даже эстет Луначарский сделал ее ненадолго своим секретарем) и умершей молодой — тридцати лет, в 1926 году, внезапно. Шкловский говорил после ее смерти: «Когда она заболела тифом, я жалел, что остригуг ее волосы (у нее были чудесные волосы), а она умерла». Впрочем, жене Федора Раскольникова и возлюбленной Карла Радека лучше было не доживать до середины тридцатых.

Многие современники находились под властью ее обаяния и красоты «орхидеи из петербургской оранжереи» и, желая польстить, называли писательницей. По «гамбургскому счету», оболгаться на этот счет смелно. Тогда о чем речь?

Вернусь к заглавию. Оно заимствовано из книги очерков «Афганистан». В Бухаре Рейснер посетила гарем, мужским взглядом окинула комнаты, в каждой из которых «живет женщина-ребенок лет тринадцати-четырнадцати, низкорослая, как куст винограда», заметила: «Они бегают по коврам босиком, и миниатюрные ногти их ног выкрашены в красный цвет», после чего подвела итог: «Очаровательнейшее вырождение из всех, какие мне пришлось видеть».

Для людей того поколения и воспитания, к которым относилась Лариса Рейснер, слово «вырождение» было раз и навсегда отмеченным. Так называлась знаменитая книга Макса Нордхау, вышедшая в 1892 году и описавшая символизм как аномалию, дегенерацию и истерию. Из этого описания стапало ясно то стремление против из аномального мира к новой, невиданной и неслыханной норме, которое охватило радикализирующуюся молодежь. Идеи Ницше, умершего в 1900 году (и сразу после смерти вошедшего в моду), о сверхчеловеке дали новому стремлению имя («ницшеанство»), цель и импульс. И даже в России культ Владимира Соловьева (умершего почти одновременно с Ницше), идеи всеединства и любви оказались промодулированными учением безумного немца: приблизить смерть больного Сегодня во имя здорового и сильного Завтра.

Книга Рейснер «Фронт» (1918 — 1921), в которой воплощен собственный боевой опыт (Рейснер прошла с Волжской военной флотилией весь ее путь), не случайно начинается с революционно-ницшеанского сопоставления жизни и смерти: «Революция бешено изнашивает своих профессиональных работников... Берет все — мозг, волю, нервы, жизнь. И, вышив, израния, измотав, выбрасывает ослабевших на свалку и берет себе новых...» Весь «старый пласт», восторгалась Лариса, «пойдет на удобрение, на машинное масло, на уголь и нефть для всероссийской топки».

Интересно тут вовсе не то, что в 1930-е годы «паровозную метафору» реализовали бук-

вально; интересно, что писала эти слова та самая девушка, которая за шесть лет до того мечтала над листом бумаги: «Палитру золотит густой, прозрачный лак. Но утолить не может новой жажды: Мечты бегут, не повторяясь дважды, И бешено рука сжимается в кулак...» Подражание Мандельштаму вдруг искажается «бешенством» и «кулаком»: таковы были изнанка и суть «серебряного века», равняющегося выскочить из породившей его формы (эстетической, этической, политической — все равно), создать сверхчеловека, посеять смерть ради «светлого будущего».

Конец XIX века Бертрам Рассел именовал как время, когда мир охватил импульс к разрушению: «Утверждение свободы казалось достаточно благородным мотивом, чтобы оправдать насилие. Насилие, когда время пришло, появилось, однако свобода была утеряна где-то по ходу дела».

Внезапная смерть Ларисы избавила ее от острого ощущения людьми революционного круга утраты свободы (на что по-своему реагировал Раскольников, по-своему — Радек).

Стихи о палитре, которую золотит лак, вместе с другими такими же Лариса помещала в странном семейном журнале «Рудин», который издавал ее отец, либеральный профессор Михаил Рейснер. Журнал был смесью «Аполлона» и «Русского богатства», изящество домашней стенгазеты сочетал с домашним же фронтдерством, официально редактором-издателем имел Надю Лещенко, прислугу Рейснеров (на случай отсидки в тюрьме), а назывался по фамилии тургеневского героя. Более орижерейного народничества нельзя было и вообразить! И, конечно, в первом номере «Рудина» некто в статье «О Рудинных и Заратустре» утверждал, что высший Рудин —

это Заратустра, что надо гнать «прочь апатию и мираж созерцания». «Мы Рудины словоговорения и литературы, той самой, которая есть проституция души... Жить! Преодолевать! И достигать!... Или мы только Рудины».

Самое поразительное в судьбе Ларисы Рейснер (и многих ей подобных) — в буквальном следовании собственным зовам на подвиг. Ницшеанский романтизм Заратустры (другого не было) стал руководством к действию.

«Наталья Павловна взяла тонкий стаканчик.

— За власть.

— Идет. Я часто о ней думаю, как древние о золотом дожде, о потоке жестокой радости, падающей на землю... Сколько я прочел и сам написал о насилии —

знаю всю ее грязную генеалогию и еще более грязную историю. И все-таки без ослиной шкуры, без нашей любимой экономической подкладки, — она прекрасна». Цитирую автобиографический роман Ларисы Рейснер, который она писала в 1919 — 1921 годах. Самое любопытное в романе — осмысление ницшеанской эстетики большевизма, важнейшего его начала после террористического народничества и идеологии «русской воли». Кстати, не случайно «Фронт» посвящен описанию боевого похода именно по Волге: «Оттуда, с Волги, с ее широких степных берегов, докатывалась до Москвы и Петербурга исконная русская удал, дух приволья и мятежа, отсюда приходили все великие революционеры — от Разина и Пугачева до Чернышевского и Ульянова...» (М.Эпштейн. «Новое сектанство», 1994).

Подобно тому как немецкий национал-социализм имел оккультную основу, так большевизм имел «серебряновечную», изысканно эстетизированную подкладку модерна: массовый террор начинался с тонкого стаканчика и тостов за власть... Нетрудно представить, что

влекло Рейснер туда, на Волгу, где «безумству-ет грозная музыка войны» (таким салонным языком она писала) и где смерть пресекает «очаровательнейшее вырождение». Лариса — модельная фигура «серебряного века», породившего большевиков, их террор и их утопическую философию. Профессорская дочка, писавшая об Офелии, Клеопатре и «упругой грации жеманного Кановы», вдруг (хотя я-то доказываю, что не вдруг) делается комиссаром Генштаба Военно-морского флота (конечно, не без помощи Раскольникова, Фед-Феда, зам. наркома по морским делам, а с 16 июля 1918 года еще и командующего Волжской военной флотилией). Упоительно-опасная экспедиция с мужем-революционером на «Летучем Голландце»: «Падают преграды, тает туман и дерзкая ладья готовит шах белому королю...» (еще один образец письма нашей героини).

О взаимоотношениях Ларисы с Радеком известно мало, видимо, ее пугала бытовая жизнь, а Радек давал возможность приключения. Опубликованные письма Раскольникова позволяют кое о чем догадаться. Видимо, что-то случилось осенью 1923 года: Фед-Фед звал ее к себе в Кабул (где он был послом), она не ехала...

«Дорогая, улетевшая из моего гнезда ласточка! Твое роковое письмо от 4 сентября произвело на меня ошеломляющее впечатление, так как я по-прежнему люблю тебя без ума. Не буду говорить о слезах, мучительной бессоннице... Спасибо за деликатное соблюдение аппарасов. Пусть для внешнего мира мы разошлись по обоюдному согласию. Но на самом-то деле мы оба хорошо знаем, что ты меня бросила, как ненужную, никуда не годную ветошь». Женщина-модерн именно так и должна поступать. Раскольников, не понимая Ларису, называл ее поведением «гумилевщиной», под какой имел в виду «куртизанские порывы», пугал тем, что «творчеству наступит конец». Но вряд ли сама Лариса серьезно считала себя писательницей: автобиографический роман бросила, а искала остроты, свободы, воли, ездила по стране, писала очерки.

По воспоминаниям, она была веселой и циничной, когда видела постланную постель, говорила: «Кушать подано». Кстати, по утверждению Шкловского, Ленин возненавидел Ларису, после того как она, не имея на то никакого права, явилась на заседание Совнаркома в красных ботинках. Права не было, а основное было: Раскольников являлся заместителем наркома, гордился женой. Впрочем, осталось неясным, что именно возмутило Ленина: явка как таковая или высокие красные ботинки со шнуровкой в стиле модерн, с острыми носами, которые отвлекали от заседания.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ

